

Марк Твен. Жанна д'Арк

PERSONAL RECOLLECTIONS OF JOAN OF ARK

BY THE SIEUR LOUIS DE CONTE (HER PAGE AND SECRETARY)
FREELY TRANSLATED OUT OF THE ANCIENT FRENCH INTO MODERN
ENGLISH FROM THE ORIGINAL UNPUBLISHED MANUSCRIPT IN THE
NATIONAL ARCHIVES OF FRANCE BY JEAN FRANCOIS ALDEN BY
MARK TWAIN (Samuel L. Clemens)

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЖАННЕ Д'АРК

СЬЕРА ЛУИ ДЕ КОНТА [{1}](#), ЕЕ ПАЖА И СЕКРЕТАРЯ, В ВОЛЬНОМ
ПЕРЕВОДЕ СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО НА СОВРЕМЕННЫЙ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ЖАНА ФРАНСУА АЛЬДЕНА [{2}](#) С
НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РУКОПИСИ, ХРАНЯЩЕЙСЯ В
НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ ФРАНЦИИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ОБРАБОТКЕ МАРКА ТВЕНА (Сэмюэла Л. Клеменса)

МАРК ТВЕН И ЕГО КНИГА О ЖАННЕ Д'АРК

Выдающийся американский писатель Марк Твен (1835-1910) – самый известный за пределами своей родины художник-реалист и демократ. Наш читатель знает и ценит в М.Твене писателя, который всегда был верен жизненной правде.

М.Твен вышел из гущи народной и потому, естественно, проникся образом мыслей простых людей Америки. На первых порах буржуазные издатели очень хотели придать юмору Твена чисто развлекательный характер. В своей статье «Два Марка Твена» Т. Драйзер очертил наметившееся в творчестве этого «Линкольна американской литературы» противоречие, в силу которого «...простой, непосредственный, гениальный малый с речного парома и из рудничного поселка, а затем из западноамериканской газеты растерялся и одно время был положительно ошеломлен, очутившись в том наглом, настойчивом, властном, полном условностей мире, к которому он необдуманно примкнул» [Т. Драйзер. Сочинения, том II, стр.594]. Но демократическая закваска в даровании М.Твена неизменно сказывалась в том, что наряду с образцами чисто развлекательного юмора, вроде «Мои часы» или «Как я обучался езде на велосипеде», им создавались такие проблемно сатирические вещи, как «Письма Китайца» или «Как меня выбирали губернатором».

Еще в 1874 году возглавлявшийся М. Салтыковым-Щедриным журнал «Отечественные записки» начал печатать роман М.Твена «Позолоченный век» с указанием, что «это произведение, возбуждившее сильное негодование в Америке, представляет такое обличение мрачных сторон американской жизни, которое могло раздражить до исступления квасной патриотизм американцев».

Реалистическое дарование М.Твена все крепло, ширились горизонты его творчества. Он опубликовал замечательные «книжки для мальчиков в возрасте от 8 до 80 лет» – «Приключения Тома Сойера» и «Приключения

Гекльберри Фина», в которых с неподражаемым юмором нарисовал столкновение живых отроческих натур с уродствами буржуазной цивилизации и господствующей в ней моралью. Всего цикла этих романов М.Твен не закончил, а в записных книжках заметил, что если бы Гек возвратился из странствий на родину, то увидел бы, что «...жизнь оказалась неудачной. Все, что они любили, и все, что считали прекрасным, – ничего этого уже нет». В этой записи отражена нравственная трагедия целых поколений, вынужденных с болью расстаться со своими иллюзиями перед лицом укрепившегося империалистического хищничества. Последними могиканами буржуазной демократии назвал В. И. Ленин тех писателей, которые возвысили свой голос против проявлявшегося повсюду в конце XIX столетия империалистического хищничества.

Далеко не все из написанного М.Твеном в обличительном плане (или, как пишут американские душеприказчики писателя, «во гневе») даже сейчас опубликовано. Так, старательно замалчиваются памфлеты М.Твена против реакционнейших сил современности! империалистической военщины и католического миссионерства, находящихся на службе у доллара. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, вопреки противодействию буржуазных издателей, М.Твен не отказался от намерений пригвоздить бельгийского короля-убийцу Леопольда к позорному столбу за его бесчеловечные действия в Конго. К известному нам облику М.Твена немало прибавляет этот памфлет, написанный как речь от первого лица: «Про меня говорят, что я абсолютный монарх, который ни перед кем не ответственен. Я топчу ногами хартию конголезцев... Я захватил страну и объявляю ее своей собственностью, ибо это только моя добыча. Я смотрю на миллионное население страны как на рабов, и только рабов. Их труд принадлежит мне независимо от того, получают они от меня деньги или нет. Каучук, слоновая кость, все прочие богатства – мои, и только мои. Их собирают и добывают для меня мужчины, женщины и малые дети под угрозой бича и пули, огня и голодной смерти, увечья или петли» [Впервые в СССР это произведение М.Твена опубликовано в украинском журнале «Всесвіт» No 1. 1959].

Этот памфлет М.Твена и аналогичный ему «Монолог русского царя» – слово писателя-демократа «во гневе». Но это не тот гнев «субъективной раздражительности», который лицемерные хранители наследия американского писателя усматривают всюду. Это – гнев писателя-гуманиста и демократа, который ненавидел насилие и обман, грабеж и

лицемерие. М.Твен одинаково отрицательно относился и к властителям, и к церкви. Так, еще в пору создания путевых очерков «Простак за границей» М.Твен отмечал в своих записных книжках «посещение церкви как мошеннического предприятия». Когда туристам был показан прах Иоанна Крестителя, то М.Твен заметил: «Мы уже видели прах Иоанна Крестителя в другой церкви. Нам трудно было заставить себя поверить, что у Иоанна Крестителя было два комплекта праха». Только в 1946 году читатели всего мира смогли ознакомиться с рассказом М.Твена «Письмо ангела», в котором герой в молитвах своих переживает своеобразное раздвоение личности. Он возносит молитву господу, чтобы тот послал тепло тем, кто нищ и наг; и тайно молится о похолодании, чтобы можно было повысить цену на антрацит, в чем он кровно заинтересован...

За полвека своей литературной деятельности М.Твен выступал и как журналист, и как новеллист-рассказчик, и как публицист-памфлетист, и, прежде всего, как романист. При этом писатель неизменно обращался к народному читателю: «Я никогда не пытался, ни единого раза, помогать цивилизовать культурные классы, но всегда искал большего – массы. Моя публика нема, ее голос не раздается в печати, и поэтому я не знаю, снискал ли я ее расположение или только осуждение». Народный читатель сказал свое веское слово тем, что продолжает читать и перечитывать романы М.Твена. В них писатель-демократ стремился прояснить народное сознание, рисуя прошлое и настоящее. Отнюдь не уходом от современности явились исторические романы М.Твена. В «Принце и нищем» показана жестокая бесчеловечность всех норм и законов жизни в обществе, основанном на власти и богатстве, а не на справедливости. Заслуженной популярностью пользуется роман М.Твена «Янки при дворе короля Артура». В нем писатель стремился развенчать преклонение перед феодальной стариной, подобно тому как Сервантес в свое время высмеял увлечение рыцарскими романами. М.Твен настойчиво и ожесточенно пародировал романтизм В. Скотта, который «влюбил весь мир в сны и видения, в разрушившиеся и низкие формы религии, в устарелые и унижительные системы управления, в глупость и пустоту, мнимое величие, мнимую пышность и мнимое рыцарство безмозглого и ничтожного, давно исчезнувшего века. Он (В. Скотт. – Д. Ф.) причинил тем самым неизмеримое зло, более реальное и длительное, чем любой человек, когда-либо писавший».

М.Твен своими историческими романами приносил в жертву сатире не

историю как таковую, а определенное ее понимание, толкование. Так, писателю претило всякое упоение стариной, сентиментальное умиление ею, близорукое увлечение пышными одеждами, скрывавшими насилие и обман.

В записных книжках М.Твена отмечалось, что «никакой бог и никакая религия не могут пережить насмешки. Ни церковь, ни аристократия, ни монархия, ни любой другой обман не могут встретиться лицом к лицу с насмешкой и продолжать после этого свое существование». В своих романах «Принц и нищий» и «Янки при дворе короля Артура» М.Твен доказал это.

Но сатира не была для М.Твена самоцелью. Им использовалась сатира как оружие против всего, что унижает человека, а сам художник не забывал об идеалах, никогда не оставлял мечты о положительном герое и посвященном ему большом, искреннем и поэтическом произведении. Еще в отроческие годы М.Твен зачитывался и увлекался историей Жанны д'Арк – подлинной героини из народа. Как отмечается советскими исследователями М.Твена [М. Боброва. Марк Твен. Гослитиздат, М., 1952, стр.105-106. М. Мендельсон. Вступительная статья к I тому Собрания сочинений М.Твена. Гослитиздат, М., 1959], в поисках положительного героя из народа, способного противостоять миру корысти и обмана, писатель обратился к истории Жанны д'Арк; долгие годы он подготавливал материалы и говорил: «Это будет серьезная книга, для меня она значит больше, чем все мои начинания, которые я когда-либо предпринимал». Позднее М.Твен записал: «Я люблю „Жанну д'Арк“ больше всех моих книг, и она действительно лучшая, я это знаю прекрасно».

Если в предыдущих своих исторических романах М.Твен разоблачает лживую идеализацию Средневековья, то в образе Жанны д'Арк он воспевает народную героиню, назвав ее «гением патриотизма, конкретным, осязаемым и видимым его воплощением». В дни пятидесятилетия со дня смерти великого писателя газета «Правда» подчеркивала, что в книгах «Жанна д'Арк» и «По экватору» Марк Твен признает народ движущей силой истории, рождающей героев и вождей, и считает его источником нравственных и эстетических ценностей [М. Боброва. «Великий американский писатель», газета «Правда», 20 апреля 1960 года].

В работе над книгой о Жанне д'Арк М.Твен еще и еще раз убеждается в

том, что «человек всегда останется человеком, целые века притеснений и гнета не могут лишить его человечности». Таким Человеком с большой буквы для М.Твена явилась Жанна д'Арк, и писатель с полной определенностью сказал: «Она. была крестьянка. В этом вся разгадка. Она вышла из народа и знала народ». Именно поэтому, – писал Твен, – «она была правдива в такие времена, когда ложь была обычным явлением в устах людей; она была честна, когда целомудрие считалось утерянной добродетелью... она отдавала свой великий ум великим помыслам и великой цели, когда другие великие умы растрачивали себя на пустые прихоти и жалкое честолюбие; она была скромна, добра, деликатна, когда грубость и необузданность, можно сказать, были всеобщим явлением; она была полна сострадания, когда, как правило, всюду господствовала беспощадная жестокость; она была стойка, когда постоянство было даже неизвестно, и благородна в такой век, который давно забыл, что такое благородство... она была безупречно чиста душой и телом, когда общество даже в высших слоях было растленным и духовно и физически, – и всеми этими добродетелями она обладала в такое время, когда преступление было обычным явлением среди монархов и принцев и когда самые высшие чины христианской церкви повергали в ужас даже это омерзительное время зрелищем своей гнусной жизни, полной невообразимых предательств, убийств и скотства».

В так называемом предисловии переводчика, по сути-авторском предисловии, наш читатель найдет выразительную характеристику Жанны д'Арк, как она выкристаллизовалась в художественном сознании писателя. Свой роман М.Твен выдает за «свободный перевод» личных воспоминаний Луи де Конта – пажа и секретаря самой Жанны д'Арк. Уже от переводчика на современный английский язык, т. е. от своего собственного имени, М.Твен указывает на свои источники, которые он, с одной стороны, называет источниками «из-под присяги», а с другой – «достоверными и убедительными». В этом нельзя полностью согласиться с М.Твеном. А. Франс был ближе к истине, когда создавал свою книгу о Жанне д'Арк, отмечая исключительную недобросовестность ведения всех материалов процесса над Жанной (а он исследовал гораздо больше источников, нежели М.Твен). Наконец, А. Франс проницательно указал на то, что все материалы процесса при переводе на латинский язык потеряли во многом оригинальный оттенок и утратили тонкость мыслей.

М.Твен использовал разнообразные источники, которые он изучал и

освещал как писатель-демократ. Из этих источников он мог составить себе следующую картину.

Шла Столетняя война. После битвы при Азенкуре (1415 г.) весь север Франции вместе с Парижем подпадает под власть англичан, на сторону которых переходят и многие французские феодалы (например, герцог Бургундский). К 1428 году стягивается петля осады вокруг города Орлеана, взятие которого открыло бы англичанам весь юг страны и привело бы к падению Франции. Перед лицом этой колоссальной опасности растерялись и феодалы, и церковники, называвшие себя народными пастырями. Только простой народ Франции не покорялся иноземцам и видел в них ненавистных захватчиков. В областях, захваченных врагом, велась партизанская борьба, и время властно требовало появления вождя из среды самих масс. Тогда-то семнадцатилетняя крестьянская девушка из Домреми по имени Жанна д'Арк становится во главе небольшого отряда, который при поддержке городского ополчения снимает осаду с Орлеана. Естественно, что свое патриотическое призвание Жанна сама и ее современники, ее близкие понимали и могли понимать лишь как миссию, внушенную ей свыше. Отсюда и ее вера в «голоса», которые обращались к ней, звали на подвиг во имя «Франции милой и прекрасной», как пели в ту пору средневековые жонглеры и труверы, повторяя слова из «Песни о Роланде».

Подвиги Жанны д'Арк в дни Столетней войны не ограничились освобождением Орлеана, хотя и этого было бы достаточно для славы, ибо в 1428 г. наступил поворот во всей Столетней войне. Сопротивление ненавистным захватчикам ширилось. Многочисленные отряды партизан и ополченцев присоединяются к ее армии и гонят врага, но именно из-за растущей популярности Жанны, как заметил К. Маркс, «для королевской и аристократической партии крестьянская девушка была также бельмом на глазу» [Архив Маркса и Энгельса, том VI, стр. 328]. И тут наступает в ее истории трагический поворот. Как отмечал уже Жюль Мишле (единственный историк, прямо цитированный в романе М.Твена. – Д. Ф.), девственница была покинута тем самым духовенством, которое в былое время несло крест впереди нее... Не нашлось ни одного, кто вызвался бы засвидетельствовать в Руанском замке ее невинность, установленную за 18 месяцев перед этим. Это постыднейшая страница в истории правящих классов Франции и католической церкви: в угоду иноземным поработителям был начат процесс над национальной героиней страны.

Повествование М.Твена, едва автор переходит к описанию этого процесса, становится гораздо более жизненным, чем в начале. Это и понятно. В первых частях романа источниками о жизни Жанны д'Арк служили косвенные книжные свидетельства. В материалах самого допроса, в свидетельских показаниях родственников, земляков и близких перед М.Твеном вырисовывались во многом стереотипные ответы о «голосах» и «святости поведения», о том, что Жанна «была, как и все»...

Общепризнано, что если первые части романа отмечены некоторой сентиментальностью вымышленного рассказчика, то картины инквизиционного процесса исполнены большого драматизма. Массовые сцены, – а только от массового героизма при переходе к атаке против лагеря англичан под Орлеаном и надо было ждать избавления, – не очень удались американскому романисту. Но вот схватку Жанны с ее извечными идеологическими противниками, с отцами церкви во главе с епископом Кошоном М.Твен изобразил весьма убедительно и живо. Все, что касалось облика Жанны, было окутано дымкой легенды. Особо почитаемый М.Твеном историк Жюль Мишле так и писал: «Она была живою легендой». И действительно, как Жанна держалась в седле, какие предпочитала доспехи, при каких именно обстоятельствах препоясалась древним мечом, – все это известно только народной легенде. Лишь память народа, а не труды историков военного искусства, хранит свидетельство об этом, как равно и об использовании пастушкой из Домреми артиллерии. Поневоле М.Твен был связан здесь литературными обработками легенд о Жанне.

Но когда М.Твен переходит к описанию процесса 1431 года, к изображению допросов, во время которых казуистика матерых схоластов и инквизиторов была страшнее любых военных ловушек англичан или бургундцев, вот тут он с большой выразительностью рисует нравственную силу Жанны д'Арк. М.Твен выступает одновременно и как сатирик – в обличении всей своры палачей Жанны, и как поэт – в изображении самой народной героини. Писатель показывает, как церковные ищейки словно бы нападают на след возможного «отступничества» Жанны, когда ставят перед нею различные казуистические вопросы. Но... тщетно! Здравый смысл, врожденное чувство юмора, а главное, всепоглощающая воодушевленность патриотическим подвигом – все это помогает Жанне избежать самых губельных ловушек. Героиня одерживает одну моральную победу за другой. На судебном процессе в Руане, где ей было отказано во всем, ее ни разу не поставили в тупик, не заставили признаться в дурных помыслах, в

«дьявольских кознях». Когда Жанну пытаются обвинить в непослушании родителям, в самовольном уходе из Домреми, патриотка отвечает, что она поступила как дочь Франции; когда ее спрашивают, почему она облачилась в мужскую одежду или почему она призывала к сражению в канун пасхи, ответы ее на каждый из этих вопросов – это ответы девушки из народа, народной героини, горячо любящей свою родину. На одном из дознаний Жанну спрашивают, как могла она побуждать соотечественников к убийству. На это девушка отвечает: пусть иноземцы уйдут отсюда, и тогда все будут спокойны, а если они останутся, то будут убиты. Один из судей прошамкал на лимузенском наречии: «На каком языке говорили с тобой „голоса“?» Жанна гордо ответила: «На лучшем языке, чем ваш».

Перед каждым автором, который писал о Жанне д'Арк, вставала задача объяснить природу ее воодушевления «голосами». Марк Твен показывает, как церковь сначала использовала это, а затем цинично надругалась над этим же. Он пишет: «Голоса» Жанны, или, лучше сказать, какой-то внутренний инстинкт..." Этим сказано все. М.Твен приходит к выводу, что «голоса» девушки из народа – это ее внутреннее понимание долга, или, точнее, какой-то внутренний инстинкт. Повинуясь этим «голосам», Жанна выступала как воительница и, опираясь на них же, предстала перед трибуналом инквизиции. Ни один вопрос из заданных ей на процессе не был прост, все они, в отдельности и вместе взятые, были цепью гнусной провокации. Величие народной героини, ее душевная сила предстают во весь рост именно на этих страницах.

Стилистический прием повествования от лица секретаря Жанны д'Арк сковал возможности М.Твена-художника во многих отношениях. Вся повествовательная манера стала несколько субъективной, а сатирическому дарованию М.Твена труднее было развернуться. Именно от сатиры этот «Вольтер Америки» должен был воздерживаться в тех описаниях суда над Жанной, которые давались от лица ее секретаря.

Процесс 1431 года был первым, но не единственным процессом Жанны д'Арк. После того как народная героиня была признана ведьмой и сожжена, создалось определенное неудобство для короля. Ведь он-то получил державу из ее рук и благодаря ей. Народ неизменно считал ее спасительницей Франции. Вот почему, оглядевшись, власти в 1456 году инсценировали новый процесс, на котором прежний приговор был объявлен «несправедливым, скандальным и позорящим королевскую

корону». Маркс писал по этому поводу: «Впоследствии Карл VII и его каналы вынуждены были ради народа сделать кое-что для „восстановления чести“ Жанны» [Архив Маркса и Энгельса, том VI, стр. 329].

«Непогрешимая святая римско-католическая церковь» молчаливо согласилась с новым процессом 1456 года, на котором виновными в гибели национальной героини были объявлены Кошон и его подручные. Но долго еще, очень долго та же церковь – фактически расправившаяся с Жанной – так и не признавала ее. И только в начале XX столетия римско-католическая церковь нашла нужным причислить Жанну д'Арк к лику святых. Все это еще раз подчеркивает неслыханное ханжество церковников.

Но в памяти народной образ Жанны д'Арк всегда оставался величавым. И с этим считались многие писатели. Образ Жанны д'Арк – один из самых поэтических в своем героизме образов народных героинь в мировой истории. Естественно, что начатое легендой ее воплощение в литературе не прекращается. У М.Твена в этой теме были предшественники и последователи. Полемизируя с верноподданным Шапленом, Вольтер в «Орлеанской Деве» оставил в стороне историческое подвижничество Жанны д'Арк и выполнил совершенно иную задачу: задачу разоблачения культа святых. Поучительно вспомнить, что тот же Вольтер отмечал: «Жанна мужественная девушка, которую инквизиторы и ученые в своей трусливой жестокости возвели на костер».

С Фридриха Шиллера начинается романтическая трактовка образа Жанны д'Арк, при которой в жертву идеалистическому понятию вины приносится историческая достоверность. В одном из писем П. И. Чайковский, написавший оперу «Орлеанская Дева» на слова Ф. Шиллера, выразительно наметил поворот к реалистическому изображению Жанны д'Арк: «Тема „голосов“ перенесена с небес на землю и вещается уже не ангелами, а человеком».

Книга М.Твена занимает видное место именно в ряду реалистических произведений мировой литературы, посвященных истории Жанны д'Арк. И после М.Твена многие выдающиеся писатели обращались к этому богатейшему сюжету. «История Жанны д'Арк» А. Франса – это история о том, как эгоистические, беспринципные правящие круги политиков

различных партий втянули в политическую интригу, а затем погубили наивную и славную крестьянскую девушку", – писал А. В. Луначарский в предисловии к русскому переводу книги А. Франса.

Если А. Франс в своей «Истории Жанны д'Арк», оснащенной богатейшими источниками, явился продолжателем вольтеровской традиции разработке этой темы, то Б. Шоу ближе к М.Твену. В изображении выдающегося английского драматурга Жанна – богатая натура, которой присущ природный ум. Ее «голоса», как объясняется уже в первой сцене пьесы Б. Шоу, отзываются в ней самой, это голоса земли, на которой она трудилась. Ее судили, – заключает Шоу, – по букве законов, но не по законам народной жизни.

«Патриотизм Жанны д'Арк – патриотизм французской крестьянки, покинутой ее королем и сожженной церковью на костре, пронизывает всю нашу историю, как яркий луч света», – писал М. Торез в книге «Сын народа» [М. Торез. Сын народа, М., 1950, стр. 98-99].

Тема подвига Жанны д'Арк продолжает оставаться неистощимой темой современной литературы и искусства.

В 1940 году вышел в свет роман «Симона» Л. Фейхтвангера, героиня которого опять слышит в «голосах» свое призвание к подвигу во имя свободы народа. Эпиграфом к роману стоят так часто звучавшие еще у М.Твена слова: «Я пришла, чтобы утешить слабых и угнетенных...» Вместе с Б. Брехтом Л. Фейхтвангер написал пьесу «Сны Симоны Машар», героиня которой – простая французская девушка нашего века – вступает в конфликт с современными пособниками иноземных захватчиков-французскими коллаборационистами.

Само соприкосновение с темой подвига Жанны д'Арк подымает даже буржуазных писателей над уровнем развлекательной или манерной литературы. Так, положительно оценивается театральная критикой пьеса современного французского драматурга Жана Ануя «Жаворонок», героиней которой является патриотка из Домреми. Поэт-коммунист Луи Арагон говорит: «Откликается полная слез старина, Жанна д'Арк сновидениями потрясена». Вдохновляемый подвигами Лоран Казановы и тысяч других патриотов, Л. Арагон в примечании к своей «Легенде о Габриэле Пери» заметил: «Эта легенда дошла до автора через два года

после смерти мученика, видоизменившаяся, как это всегда случается с легендами в наши дни так же, как во времена Песни о Роланде, трубадуров и преданий, переходивших из уст в уста по всей Франции, тогда также опустошенной и отданной во власть солдатне и химерам» [Л. Арагон. Избранные стихи, М., 1946, стр. 75-76].

И в наши дни, когда национальная независимость Франции слепо предается господствующими классами, когда солдаты бундесвера топчут французскую землю, французские патриоты повторяют за своим поэтом:

Вернула партия мне чувства славных дней.

Роланд трубит в свой рог, на битву скачет Жанна,

Героев времена воскресли в партизанах;

И в будничных словах я слышу звон мечей,

Вернула партия мне чувство славных дней.

[Л. Арагон. Избранные стихи, М., 1946, стр. 75-76]

х х х

Наш советский читатель чутко воспринимает патриотическую и героическую тему в литературе всего мира. Поэтому в глазах нашего читателя книга Марка Твена о Жанне д'Арк приобретает отнюдь не чисто исторический интерес. С кислой миной отмечают современные американские исследователи, что в Советском Союзе М.Твен пользуется вниманием совершенно удивительным по своим масштабам и не меньшей симпатией. Мы горды тем, что в сознании нашего народа Твен-юморист отнюдь не заслоняет собой Твена-сатирика, что советский читатель высвобождает восприятие этого выдающегося писателя из плена «чистой развлекательности», что, как оттенял Теодор Драйзер, нам близок в Твене и его «затаенный дар, его талант изображать мрачное и разрушительное, его лирические и скорбные размышления о смысле и бессмысленности жизни, а также сила и ясность его реализма и критики». Все эти стороны его дарования находили свое отражение не только в таких опубликованных при жизни произведениях, как «Жанна д'Арк», «Человек, который совратил Гедлиберг», «Таинственный незнакомец», «Что такое человек», но и в его

переписке и во все еще не опубликованной «Автобиографии». Это отмечалось Т. Драйзером в 1935 году, то есть тогда, когда, согласно завещанию М.Твена, все его рукописи должны были быть опубликованы. Но и по сей день далеко не все его произведения опубликованы. А виной этому только те силы, которые хотели бы оградить читающую публику от Твена «во гневе», то есть от Твена-демократа, от Марка Твена, который любим нашим читателем как создатель образов героев из народа -Тома, Гека и Жанны д'Арк.

Д.ФАКТОРОВИЧ

ИСТОЧНИКИ, ПО КОТОРЫМ ПРОВЕРЯЛАСЬ ДОСТОВЕРНОСТЬ
ПОВЕСТВОВАНИЯ: [Список литературы предпосылается роману самим
автором М.Твенем]

Ж.Э.Ж.Кишера, Осуждение и оправдание Жанны д'Арк.

Ж.Фабр, Осуждение Жанны д'Арк.

Г.А. Валлон, Жанна д'Арк.

М.Сепэ, Жанна д'Арк.

Ж.Мишле, Жанна д'Арк.

Берриа де Сен-При, Семья Жанны Д'Арк.

Графиня А. де Шабанн, Лотарингская Дева.

Монсеньер Рикар, Блаженная Жанна д'Арк.

Лорд Рональд Гауэр, Жанна д'Арк.

Джон О'Хаган, Жанна д'Арк.

Дженет Таки, Дева Жанна д'Арк.

Жене моей – Оливии Ленгхорн Клеменс эту книгу в день
двадцатипятилетней годовщины нашей свадьбы (1870-1895) в знак
благодарного признания ее неутомимой и бессменной службы в качестве
литературного советчика и редактора посвящаю

Автор

Обратите внимание на одну важную особенность. Среди мужчин и
женщин, чьи имена значатся в анналах истории, Жанна д'Арк –

единственный человек, который в свои семнадцать лет занимал пост главнокомандующего вооруженными силами страны.

ЛАЙОШ КОШУТ {3}

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА {4}

Чтобы дать правильную оценку характера какой-либо выдающейся исторической личности, необходимо подходить к ней с меркой ее эпохи, а не нашей собственной. Если подходить к ней с меркой какого-то одного столетия, то самые благородные характеры более давних времен теряют свой блеск; если рассматривать знаменитых людей с позиций сегодняшнего дня, то, пожалуй, не найдется ни одной личности, жившей четыре-пять столетий тому назад, которая бы выдержала испытания во всех отношениях. Но образ Жанны д'Арк – единственный и неповторимый. К нему можно приложить мерки всех времен, не рискуя ошибиться. С точки зрения любой эпохи он одинаково безупречен, идеально прекрасен; он и сейчас стоит на высоте, недостижимой для простого смертного.

Если принять во внимание, что ее век был самый грубый, самый испорченный, самый развращенный из всех мрачных веков истории, то нельзя не удивляться чуду, – как такая почва могла вырастить такой дивный плод. Контраст между ней и ее веком – это контраст между днем и ночью. Жанна д'Арк была правдива, в такие времена, когда ложь была обычным явлением в устах людей; она была честна, когда целомудрие считалось утерянной добродетелью; она твердо держала свое слово, когда ни от кого нельзя было ждать верности; она отдавала свой великий ум великим помыслам и великой цели, когда другие великие умы растрачивали себя на пустые прихоти и жалкое честолюбие; она была скромна, добра, деликатна, когда грубость и необузданность, можно сказать, были всеобщим явлением; она была полна сострадания, когда, как правило, всюду господствовала беспощадная жестокость; она была стойка, когда постоянство было даже неизвестно, и благородна в такой век, который давно забыл, что такое благородство; в своих убеждениях она была тверда, как скала, в то время, когда люди ни во что не верили и все попирали; она была непоколебимо верна в век, пропитанный до мозга костей вероломством; она сохраняла свое личное достоинство незапятнанным в век раболепства и низкопоклонства; она была воплощением неустрашимого мужества в то время, когда надежда и мужество иссякли в сердцах ее соотечественников;

она была безупречно чиста душой и телом, когда общество даже в высших слоях было растленным и духовно и физически, – и всеми этими добродетелями она обладала в такое время, когда преступление было обычным явлением среди монархов и принцев и когда самые высшие чины христианской церкви повергали в ужас даже это омерзительное время зрелищем своей гнусной жизни, полной невообразимых предательств, убийств и скотства.

Жанна д'Арк была, пожалуй, единственной бескорыстной личностью, когда-либо засвидетельствованной историей. Ни малейших следов или намеков своекорыстия нельзя найти в ее словах и поступках. Когда она спасла бездомного короля от нищенского прозябания и возложила корону на его голову, ей предлагали награды и почести, но она все отвергла и не пожелала взять ничего. Для себя она просила у короля только одного: разрешения вернуться домой, в родную деревню, чтобы по-прежнему пасти овец, ежедневно чувствовать объятия рук матери и помогать ей в домашнем хозяйстве. Дальше и не устремлялись личные помыслы и желания этого блестящего вождя победоносных войск, соратника принцев, кумира восхищенного и благодарного народа.

Подвиг Жанны д'Арк можно смело назвать беспрецедентным в истории, тем более, если принять во внимание, в каких условиях он был совершен, какие препятствия встречались на ее пути и какие средства имелись в ее распоряжении. Цезарь шагал далеко, но он одерживал свои победы при помощи прекрасно обученных, надежных римских ветеранов; сам он тоже был прекрасным воином. Наполеон стирал с лица земли самые дисциплинированные армии Европы, но он также был опытным солдатом и начал свое дело с преданными родине батальонами, воспламененными чудодейственным духом Свободы и Революции, – с энергичными подмастерьями великого военного ремесла, а не со старыми, упавшими духом недобитыми войсками, давно пришедшими в отчаяние от бесчисленных поражений на протяжении целого столетия. А Жанна д'Арк, сущий ребенок, невежественная, неграмотная, простая, никому не известная деревенская девушка, без связей и влияния, застала свою великую родину в цепях, поверженной, беспомощно и безнадежно стонущей под чужеземным игом, с разоренной казною, с разбежавшейся в страхе армией, с оцепеневшими умами, с умершим мужеством в сердце народа за эти долгие годы насилия и притеснения как со стороны захватчиков, так и со стороны собственных угнетателей, с запуганным

королем, который покорился своей участи и приготовился бежать из своей страны; Жанна д'Арк прикоснулась своей рукой к этому трупцу нации, и народ воспрянул и последовал за нею. Она повела его от победы к победе, она изменила ход Столетней войны, она нанесла смертельный удар английскому могуществу и умерла заслуженно называемая Освободительницей Франции – имя, которое осталось за ней и по сегодняшний день.

И в награду за все это французский король, которого она короновала, не проявил никакого участия, когда французские церковники схватили эту благородную девушку, невиннейшее, прекраснейшее, восхитительнейшее создание, когда-либо существовавшее во все века, и заживо сожгли ее на костре.

ОСОБЕННОСТЬ ИСТОРИИ ЖАННЫ Д'АРК

Подробности жизни Жанны д'Арк составляют биографию исключительную в сравнении с другими мировыми биографиями в одном отношении: это единственная история человеческой жизни, дошедшая до нас из-под присяги, единственная, дошедшая до нас со свидетельской скамьи. Официальные отчеты о Великом процессе 1431 года и о Процессе реабилитации, который состоялся четверть века спустя, хранятся до настоящего времени в Национальном архиве Франции, и они с замечательной полнотой подтверждают факты из ее жизни. Ни одна история жизни, протекавшей в столь отдаленную эпоху, не изложена с такой достоверностью и убедительностью, как история Жанны д'Арк.

Сьер Луи де Конт в своих «Личных воспоминаниях» верен фактам официальной биографии Жанны д'Арк, и, по крайней мере, в этом его воспоминания безупречны и заслуживают доверия; но множество деталей, сообщаемых им, остаются на его совести.

ПЕРЕВОДЧИК

КНИГА ПЕРВАЯ. В ДОМРЕМИ

Глава I

Сьер Луи де Конт своим правнучатым племянникам и племянницам

Теперь год 1492. Мне восемьдесят два года. То, о чем я собираюсь вам рассказать, я сам пережил и видел собственными глазами в детстве и в юности.

Во всех рассказах, песнях и исторических трудах о Жанне д'Арк, которые вам и всему миру доводилось слушать, читать и изучать по книгам, напечатанным позднее более усовершенствованными способами, упоминается и обо мне, сьере Луи де Конте. Я был ее пажом и секретарем. Я был при ней от начала до конца.

Вырос я в одной деревне с нею. Я играл с ней каждый день, когда мы оба были еще детьми, точно так же, как и вы играете со своими сверстниками. Теперь, когда мы сознаем ее величие, когда ее шля гремит во всем мире, может показаться странным, что все, о чем я рассказываю, сущая правда; это похоже на тусклую, ничтожную свечку, рассуждающую о вечно сверкающем солнце: «Оно было моим сверстником и закадычным другом, когда мы оба были свечками».

Но все же это сущая правда, как я и сказал. Я был ее товарищем в играх, а на войне сражался рядом с нею. До сегодняшнего дня отчетливо и ярко сохранились в моей памяти ее прекрасный, светлый образ, ее изящная маленькая фигурка; вот она, с отброшенными назад волосами, в серебряной кольчуге, прильнула грудью к шее коня и мчится в атаку во главе французской армии, все дальше и дальше врезается в гущу боя и порою почти исчезает из вида, скрываясь за головами коней, за поднятыми мечами, за развевающимися на ветру перьями шлемов и за преграждающими путь щитами. Я был с нею до конца, и когда наступил тот черный день, который ляжет неизгладимым пятном на ее убийц в сутанах {5}, этих французских рабов Англии, и на Францию, оставшуюся безучастной и не предпринявшую ни малейшей попытки к ее освобождению, – моя рука была последней, которой Жанна д'Арк коснулась при жизни.

Проходили годы и десятилетия, и образ чудесной девушки, промелькнувшей метеором на военном горизонте Франции и исчезнувшей в дыму инквизиторского костра, отодвигался все дальше и дальше в прошлое и становился все более поразительным своей необычностью, священным, трогательным и прекрасным. И только теперь я полностью понял и осознал, кем была она, – благороднейшим существом, когда-либо жившим на свете после Сына божьего.

Глава II

Я, сьер Луи де Конт, родился в Невшателе 6 января 1410 года, то есть как раз за два года до рождения Жанны д'Арк в Домреми. Моя семья бежала в эти отдаленные районы из-под Парижа в начале столетия. По своим политическим убеждениям мои родители были арманьяками-патриотами {6}: они горой стояли за своего французского короля, хотя он не отличался ни умом, ни способностями. Бургундская партия, поддерживавшая англичан, обобрала моих родителей до нитки. Она отняла у нас все, кроме дворянского титула моего отца; поэтому, поселившись в Невшателе, он жил в бедности, печальный и одинокий. Но зато политическая атмосфера, в которой он очутился, пришлась отцу по вкусу, а это много значило. Покинув край, населенный фуриями, безумцами, дьяволами, где кровопролитие было одним из видов времяпрепровождения и где ни один человек не чувствовал себя в безопасности ни на минуту, отец попал в сравнительно спокойный уголок. В Париже по ночам бушевала чернь; она грабила, жгла, убивала беспрепятственно и непрерывно. Солнце всходило над разрушенными, дымящимися зданиями, над изуродованными трупами, которые валялись везде на улицах, раздетые донага ворами: они довершали грязное дело черни. Ни у кого не хватало смелости подбирать эти тела для погребения; трупы разлагались, и это грозило вспышкой чумы.

И чума вспыхнула. Эпидемия уносила людей; они гибли, как мухи; похороны совершались втайне, только по ночам. Публичные похороны не разрешались, так как народ, узнав о количестве жертв чумы, мог лишиться мужества и впасть в отчаяние. Наконец, настала невероятно суровая зима, не виданная во Франции за последние пятьсот лет. Голод, мор, убийства, стужа и снег – все это сразу обрушилось на Париж. Мертвецы грудami лежали на улицах, и волки среди бела дня появлялись в городе и пожирали их.

Ах, как низко пала Франция, как низко! Более трех четвертей века английские клыки вонзаются в ее тело, а ее армия, испытывая непрерывные неудачи и поражения, так пала духом, что говорили, будто одного появления английских войск было достаточно, чтобы обратить ее в

бегство.

Когда мне исполнилось пять лет, ужасное бедствие постигло Францию при Азенкуре. И хоть английский король уехал домой праздновать свою победу, он оставил страну поверженной и отданной в жертву рыщущим бандам «вольных дружинников» {7}, которые находились на службе у бургундской партии. Однажды ночью одна из этих банд совершила набег на Невшатель, и при свете пылающей крыши нашего дома я увидел, как гибнет все, что мне было дорого на свете; кроме старшего брата, вашего предка, оставшегося при дворе в Париже, вся наша семья до единого человека была беспощадно вырезана. Я слышал, как они молили о пощаде и как убийцы смеялись над их мольбами и просьбами. Меня разбойники не заметили, и я счастливо ускользнул от них. А когда эти варвары удалились, я выбрался из своего укрытия и проплакал всю ночь, глядя на пылающие дома. Я был один-одинешенек, разве только тела убитых и раненые составляли мне компанию; все, кому удалось уцелеть, бежали и спрятались.

Меня отправили в Домреми к священнику, экономка которого заменила мне любящую мать. Вскоре священник научил меня читать и писать, и мы с ним вдвоем стали единственными грамотными людьми в селе.

В то время, когда дом этого доброго священника Гильома Фронта стал моим родным домом, мне уже было шесть лет. Мы жили возле деревенской церкви, позади которой находился небольшой огород родителей Жанны. Ее семья состояла из отца – Жака д'Арк, его жены – Изабеллы Роме, трех сыновей – десятилетнего Жака, восьмилетнего Пьера и семилетнего Жана, и двух дочерей – четырехлетней Жанны и маленькой годовалой Катерины. Я с ними дружил с детства. Были у меня и другие друзья, в особенности четыре мальчика – Пьер Морель, Этьен Роз, Ноэль Ренгессон и Эдмон Обре, отец которого был в то время мэром, а также две девочки почти одного возраста с Жанной, со временем ставшие ее подругами. Одну из них звали Ометтой, а другую – маленькой Манжеттой. Как и Жанна, они были простыми крестьянскими девочками и, когда выросли, вышли замуж за своих же деревенских парней. Как видите, они были невысокого звания, однако со временем, много лет спустя, ни один путешественник, каким бы знатным он ни был, не мог пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения двум смиренным старушкам, имевшим счастье в детстве быть подругами Жанны д'Арк.

Все мои сверстники были добрыми, славными, типично крестьянскими детьми, не слишком развитыми, конечно, – этого и нельзя было от них ожидать,

– но добросердечными, дружелюбными, послушными своим родителям и священнику; подрастая, они проникались узостью взглядов и предрассудками, перенятыми от старших и принятыми на веру без сомнений и рассуждений, как нечто само собой разумеющееся. Религию они унаследовали от отцов, политику – также. Ян Гус и ему подобные могли не соглашаться с церковью, но в Домреми это ни у кого не подрывало веры; и когда начался раскол – мне было тогда четырнадцать лет – и у нас появилось трое пап сразу [{8}](#), в Домреми никто даже не задумался над тем, кого из них выбрать: папу в Риме мы считали настоящим, а папу вне Рима мы вообще не считали папой. Каждый житель села был арманьяком-патриотом, и мы, дети, страстно ненавидели англичан и бургундцев вместе с их политикой.

Глава III

В ту отдаленную эпоху наше Домреми было такой же скромной, глухой деревушкой, как и многие другие. Своими узенькими, кривыми улочками и переулками, окаймленными нависшими соломенными крышами крестьянских дворов, она напоминала лабиринт. Дома тускло освещались крохотными окошками, с деревянными ставнями, а вернее – дырами в стенах вместо окон. Полы – земляные, а мебели почти не было. Население занималось главным образом скотоводством, и вся молодежь пасла скот.

Деревня была расположена в живописном месте. В одном ее конце вплоть до реки Маас простирался широкий цветущий луг; в другом – отлогий травянистый холм, на вершине которого зеленел дубовый лес, густой, темный, дремучий, полный таинственной прелести для пас, ребятишек, так как в давние времена там было совершено разбойниками немало убийств, а еще раньше там нашли себе приют чудовищные драконы, изрыгающие пламя и яд из своих ноздрей. И в самом деле, там жил один из таких драконов и в наше время. Он был ростом с высокое дерево, толстый, как бочка, весь покрытый чешуей, похожей на огромные черепицы, у него были выпуклые рубиновые глаза величиной с человеческую голову и такое якореподобное раздвоение на хвосте, что даже передать невозможно, слишком большое даже для драконов – это утверждал каждый, кто имел представление о подобных чудовищах. Думали, что этот дракон был ярко-голубого цвета с золотыми крапинками, но никто никогда его не видел, а поэтому трудно доказать, что он был именно таким; все это только предположение. Но это не мое предположение: я считаю, что не следует делать предположений, когда для этого нет никаких данных. Если бы вы создали человека без костей, то на первый взгляд он бы не отличался от нормального человека, однако он никогда бы не встал на ноги. И я считаю, что этот пример вполне объясняет причины возникновения предположений. Но я подробнее коснусь этой темы в другое время и постараюсь привести более веские доказательства. Что же касается того дракона, то я всегда думал, что его цвет должен быть золотым, без примеси голубого, так как именно такого цвета и бывают обычно драконы. То, что этот дракон лежал одно время на опушке леса, подтверждается тем фактом, что Пьер Морель,

как-то оказавшись там, слышал его запах, по которому и узнал его. Это наводит на страшную мысль: как близко может нам угрожать смертельная опасность, и мы даже не подозреваем об этом.

В былые времена сотни рыцарей из многих отдаленных уголков земли один за другим отправились бы туда, чтобы убить дракона и получить награду, но в наше время такой метод устарел, и за истребление драконов взялись священники. В данном случае это сделал отец Гильом Фронт. Он устроил процессию со свечами и хоругвями, которая, воскурив фимиам, прошла по опушке леса и заклинаниями изгнала дракона. О нем потом никто ничего не слышал, хотя многие все-таки придерживались мнения, что специфический запах дракона полностью никогда не исчезал. По сути, никто этого запаха никогда не чувствовал, это было всего лишь мнение, лишённое оснований, как видите. Я знаю, что чудовище до заклęcia находилось в лесу, но осталось ли оно там и после – об этом я ничего определенного сказать не могу.

На плоскогорье вблизи Вокулера, на красивой открытой поляне, устланной зеленым травянистым ковром, стоял величественный, развесистый бук; он всегда бросал вокруг себя широкую тень, а под ним пробивался прозрачный, холодный родник. Летом туда приходили дети – таков уж был обычай на протяжении более пятисот лет, – целыми часами они пели песни и устраивали вокруг дерева пляски, освежаясь иногда ключевой водой. Им было так приятно, так весело. Они плели венки из цветов, развешивали их на дерево и раскладывали их около источника в угоду феям, жившим там; ведь феи, эти воздушные, невинные создания, любили все нежное и красивое, и, конечно, полевые цветы и венки из них. В ответ на такую внимательность феи старались отплатить детям не меньшей любезностью: они заботились о том, чтобы родник был всегда наполнен холодной, чистой водой, отгоняли змей и вредных насекомых. Таким образом, никогда не возникало ссор между феями и детьми на протяжении более пятисот лет – предание даже гласит, более тысячи лет; напротив, между ними всегда были любовь и взаимное доверие. Если кто-либо из детей умирал, феи оплакивали покойника не меньше, чем его сверстники, и это всегда можно было заметить: на рассвете того дня, в который должны были состояться похороны, они вешали венок из бессмертников над тем местом под деревом, где ребенок обычно сидел при жизни. Я знаю, что это правда, так как сам был очевидцем; я не пользуюсь слухами, А думать, что это делали именно феи, заставляет то обстоятельство, что венки были всегда из

черных цветов неизвестного во Франции вида.

С незапамятных времен все дети, выросшие в Домреми, назывались «детьми Волшебного дерева», Им нрИИ.10П1 это прозвище, так как в нем заключалось для них какое-то таинственное преимущество перед всеми другими детьми. Что же это за преимущество? Когда наступали последние минуты жизни ребенка, тогда над смутными, бесформенными образами, мелькавшими в его мутнеющем уме, вставало нежное, дивное, прекрасное видение Волшебного дерева, – и душа ребенка обретала покой. Так говорили многие. Другие же говорили, что видение являлось дважды: один раз как предостережение за год или за два до смерти, когда душа была в плену грехов, и тогда Дерево являлось в своем унылом зимнем одеянии, повергая душу в ужас; если же приходило раскаяние и жизнь обретала чистоту, видение являлось снова, на этот раз в прекрасном летнем наряде; но если же душа оставалась грешной, то видение более уже не появлялось, и грешная душа, обреченная на смерть, уходила из жизни. Наконец, третьи говорили, что видение являлось лишь один раз, и только тем, чьи души не были запятнаны грехом, кто одиноко умирал в дальних краях и страстно жаждал увидеть хоть что-нибудь дорогое, напоминающее родину. А какое напоминание могло быть более отрадным для их сердец, как не видение Дерева, бывшего их любимцем, соучастником в радостях и утешителем в детском горе в чудесную пору ушедшей юности?

Итак, как я уже сказал, было несколько мнений: одни верили одним, другие – другим. Но я знаю, что только одно из них истинно – последнее. Я не возражаю и против остальных: думаю, они тоже не лишены истины, но я знаю, что наиболее истинно последнее. По-моему, если человек отстаивает то, что он знает, и не беспокоит себя тем, что вызывает сомнения, то этим самым он укрепляет свой ум и делает полезное дело. Я знаю, что когда «дети Волшебного дерева» умирают в дальних краях, и если они в мире с богом, они обращают свои страждущие взоры в сторону родины, откуда, как из лучезарной дали, как сквозь просвет в тучах, заволакивающих небо, им является видение Волшебного дерева в золотом сиянии; перед их взорами простирается цветущий луг, отлого спускающийся к реке, и они полной грудью вдыхают сладостный аромат цветов своей родины. Затем видение меркнет и исчезает. Но они знают, и по их преобразившимся лицам вы тоже знаете – вы, совершенно посторонние люди, – что в этот момент их осенило небесное благословение.

Мы вдвоем с Жанной одинаково верили в это. Но Пьер Морель, Жак д'Арк и многие Другие верили в то, что видение появляется дважды, и только грешнику. Как и многие другие, они даже уверяли, что знают это наверняка. По-видимому, в это верили их отцы и свою веру передали им; не всегда то, о чем мы узнаем, приходит к нам из первоисточника.

Все же есть одно обстоятельство, говорящее в пользу тех, кто верил, что Дерево является человеку дважды: с самых древних времен, если кому случалось увидеть своего односельчанина с побледневшим от страха лицом, то обычно в таких случаях увидевший шептал соседу: «Вот, он в чем-то согрешил и получил предупреждение». А сосед при мысли об этом вздрагивал всем телом и отвечал также шепотом: «Да, бедняге, вероятно, привиделось Дерево».

Подобные доказательства имеют вес; от них так легко не отмахнешься. Все, что вытекает из накопленного опыта столетий, вполне естественно, все больше и больше становится доказательством и со временем приобретает значение авторитета, а авторитет – непоколебим как скала, он вечен.

За свою долгую жизнь я знал несколько случаев, когда Дерево являлось, предвещая смерть, хотя и далекую; но в каждом из этих случаев человек, которому оно являлось, был безгрешен. Явление Древа в этих случаях было выражением особой благодати; уведомление об искуплении грехов не откладывалось до дня смерти, – видение заранее извещало об этом и тем самым приносило успокоение – вечный мир господень. Я сам, дряхлый старик, жду смерти в блаженстве душевном, ибо мне являлось чудесное Дерево. Я видел его и доволен этим.

Давно уж так повелось: когда дети, взявшись за руки, плясали вокруг Волшебного дерева, они всегда пели песню, особую песню о Бурлемонском волшебном дереве. Они пели ее тихо и нежно, на старинный мотив, задушевный и простой, который всегда утешал меня в тяжелые, печальные минуты и всякий раз, в любую погоду и в любое время, переносил меня домой. Чужой человек не поймет и не почувствует, чем была эта песня на протяжении веков для «детей Волшебного дерева», очутившихся в изгнании, потерявших отчий дом, изнывающих и тоскующих на чужбине. Вам эта песня может показаться простой и неинтересной; но если вы представите, чем она была для нас, какие воспоминания она вызывала у нас, когда звучала в наших ушах, вы отнесетесь к ней с уважением. И вы

поймете, почему слезы заливают наши глаза, и мы не видим и не слышим ничего вокруг, и голос наш так дрожит, что мы от волнения даже не можем допеть до конца последнюю строфу:

А в горький час тоски по ней

Яви их взору сень ветвей, -

Земли родной виденье!

Вспомните, что эту песню пела вместе с нами под Деревом и Жанна д'Арк, когда была ребенком; она всегда любила ее. Это придает песне священную силу, и вы должны согласиться с этим.

ВОЛШЕБНЫЙ БУРЛЕМОНСКИЙ БУК

Песня детей

– Скажи, зеленый чародей

Долины Бурлемона,

Чем поишь ты листву ветвей?

Скажи нам, бук могучий.

– Пою их не скупой росой,

А детской светлою слезой,

Обильной и горячей.

– Скажи, могучий чародей

Долины Бурлемона,

Где силы брал? – В любви детей,

В их песнях, хороводах.

Они играли подо мной,

Как за отцовскою спиной,
И в зной и в непогоду.
– Так стой в веках и зеленой
Под небом синим, ясным,
Пускай ростки в сердца детей
Всей Франции прекрасной,
Шуми листвою, зови на бой,
О вестник пробужденья,
А в горький час тоски по ней
Яви их взору сень ветвей, -
Земли родной виденье!

Феи все еще жили там, когда мы были детьми, но мы никогда их не видели, потому что еще за сто лет до нас один священник из Домреми отслужил молебен под деревом, осудив их как прислужниц нечистой силы, недостойных спасения; затем он приказал им никогда не появляться снова и не вешать больше венков из бессмертников под угрозой вечного изгнания из прихода.

Все дети заступались за фей, говорили, что они их добрые, дорогие друзья, никогда не причинявшие им зла. Но священник не слушал; он говорил: грешно и стыдно иметь таких друзей. Дети тосковали и долго не могли успокоиться; они дали обет всегда вешать венки на дерево в знак неизменной любви к феям и вечной памяти о них.

Но однажды ночью с феями стряслась большая беда. Мать Эдмона Обре, проходя мимо дерева, заметила, как они украдкой от людей кружились в танце; феи даже не подозревали, что кто-нибудь может их увидеть; они так были увлечены, так опьянены дикой радостью, так охмелели от выпитой росы, разведенной шмелиным медом, что ничего не замечали. А госпожа

Обре стояла возле них, изумленная и восхищенная их фантастическими фигурками. Она, любуясь, смотрела, как они, взявшись за руки, кружились в веселом хороводе, кричали, хохотали, пели странные песни и в диком упоении подпрыгивали высоко вверх, – это была самая безумная, самая волшебная пляска, какую когда-либо приходилось видеть этой женщине.

Но спустя несколько минут бедные слабые создания обнаружили присутствие постороннего. Раздался душераздирающий вопль горя и ужаса, и, вытирая маленькими кулачками мокрые от слез глаза, феи разбежались и скрылись.

Бессердечная женщина, – нет, скорее глупая женщина, она не была зла, а только глупа, – пошла сразу домой и разболтала обо всем соседкам, а мы, маленькие друзья фей, в это время спали сном праведников, не подозревая, какая беда нависла над нами, и не чувствовали, что нам следовало бы встать и пресечь злую болтовню. Наутро все уже знали о случившемся, и беда стала неотвратимой: ведь если что-нибудь знает вся деревня, то об этом узнает, конечно, и священник. Мы все помчались к отцу Фронту, плакали и умоляли его; он тоже прослезился, видя наше горе, так как по своей натуре был человек добрый и мягкосердечный. Ему не хотелось вторично изгонять фей; он сам в этом признался, он добавил, что другого выхода у него нет: ведь феям было велено никогда не показываться, и они должны были исчезнуть навсегда. Все это произошло в очень неудачное для нас время: Жанна д'Арк лежала больная, в горячке и почти без сознания. А что мы могли сделать, не обладая ни силой ее убеждения, ни ее умом? Мы все прибежали к ее постели и закричали: "Очнись, Жанна! Встань, нельзя терять ни минуты! Будь заступницей маленьких фей и спаси их! Только ты одна можешь это сделать.

Но она лежала в бреду, не постигая ни смысла наших слов, ни глубины нашего отчаяния. Так мы и ушли ни с чем, считая, что все погибло. Да, все погибло, все и навсегда. Ведь прекрасные феи, верные друзья детей в течении пяти столетий, должны были исчезнуть и никогда не появляться вновь.

Это был ужасный день для нас – день, когда отец Фронт совершил богослужение под деревом и изгнал наших милых фей. Мы не могли носить по ним траур, – нам бы этого не разрешили. Поэтому мы довольствовались маленькими кусочками черных тряпок, повязав их себе

на одежду в наименее заметных местах. Но в своих сердцах мы носили глубокий траур: ведь сердца были нашей собственностью, и никто не мог вторгнуться в них, чтобы помешать нам оплакивать фей.

Величественное дерево – Волшебное дерево Бурлемона, как его красиво называли, – никогда уже не было для нас тем, чем прежде, хотя все-таки оставалось дорогим и родным. Оно дорого мне и теперь, когда я хожу туда один раз в год, уже стариком, чтобы посидеть в тени его ветвей, вспомнить ушедших из жизни сверстников моей юности, мысленно собрать их вокруг себя, посмотреть сквозь слезы им в лица и дать волю сердечным порывам. О боже!..

Да и само место это претерпело со временем большие изменения. Оно изменилось в двух отношениях: феи больше не покровительствовали роднику, и он утратил свою прежнюю свежесть и прозрачность, а также более двух третей своего объема; изгнанные прежде змеи и ядовитые насекомые вернулись и размножились в таком количестве, что и сегодня являются бедствием.

Когда умная маленькая девочка Жанна поправилась, мы все поняли, как дорого обошлась нам ее болезнь. Мы убедились в правдивости своих предположений о том, что только она могла спасти фей. Узнав о случившемся, Жанна страшно рассердилась. Трудно было поверить, что такое кроткое существо способно на это. Она побежала прямо к отцу Фронту, вежливо поклонилась ему и сказала:

– Феям приказано было исчезнуть, если они когда-нибудь покажутся людям. Не так ли?

– Так, милая.

– А если кто-то чужой врывается к человеку в спальню среди ночи, когда этот человек раздет, неужели вы будете настолько несправедливы, что скажете: раздетый человек показывается людям?

– Конечно, нет. – Добрый священник казался несколько смущенным и, отвечая, чувствовал себя неловко.

– Разве грех остается грехом, если он совершен непреднамеренно?

Отец Фронт всплеснул руками и воскликнул:

– Ах, дитя мое, я вижу теперь свою вину!

Он привлек ее к себе, приласкал, стараясь примириться с ней, но она была в таком сильном возбуждении, что не могла сразу успокоиться, прильнула лицом к его груди и, заливаясь слезами, сказала:

– В таком случае феи совсем не виновны – ведь у них не было злого умысла. Они не знали, что кто-то проходит мимо. А поскольку эти крошечные создания не могли постоять за себя и напомнить, что закон не должен карать невиновных, а только злоумышленников, и так как у них не нашлось ни одного друга, который бы вспомнил и сказал за них такую простую вещь, – за это их навсегда лишили их жилища. Это несправедливо, слишком несправедливо.

Добрый старик еще крепче прижал ее к своей груди и сказал:

– Устами младенцев осуждаются неосторожные и легкомысленные. Да простит мне господь, но я желал бы вернуть назад бедных малюток – ради тебя! И ради себя также, потому что я был несправедлив. Ну, полно, не плачь– никто не сочувствует твоему горю так, как я, твой бедный, старый друг. Не плачь же, милая...

– Но я не могу удержаться: мне слишком больно. Ведь то, что вы сделали,

– не пустяк. Разве сожаление – достаточное наказание за такой проступок? Отец Фронт отвернулся, иначе она обиделась бы, увидев на его лице улыбку.

– Ах ты, безжалостный, но праведный судья! – сказал он. – Нет, такого наказания недостаточно. Я надену власяницу и посыплю пеплом голову. Ну, ты до-вольна?

Рыдания Жанны стали утихать, вскоре она глянула ни старика сквозь слезы и со свойственной ей простотой сказала:

– Да, этого будет достаточно. Это очистит вашу душу.

Отец Фронт, видимо, засмеялся бы снова, если бы вовремя не вспомнил,

что дал обещание, не особенно приятное, но требующее исполнения. Он встал и подошел к очагу. Жанна наблюдала за ним с большим любопытством. Священник взял горсть холодного пепла и уже было собрался посыпать им свою седую старую голову, как вдруг его осенила другая мысль.

– Ты не откажешься помочь мне, милая?

– Чем же, святой отец?

Он опустился на колени, низко склонил перед ней голову и сказал:

– Возьми пепел и сама посыпь мне голову.

Этим дело, конечно, и кончилось. Победа была на стороне священника. Легко себе представить, что лишь одна мысль о таком унижении старого человека должна была поразить Жанну, как и всякого ребенка в селе. Она бросилась к нему, упала рядом на колени и сказала: – Ах, это ужасно! Я даже не знала, что значит надеть власяницу и посыпать голову пеплом. Пожалуйста, встаньте, святой отец.

– Но я не могу, пока не буду прощен, Ты прощаешь меня?

– Я? Да ведь вы мне ничего плохого не сделали, святой отец. Вы сами должны простить себя за несправедливость, допущенную в отношении бедных маленьких фей. Встаньте, святой отец, прошу вас.

– В таком случае я попал в еще худшее положение, чем прежде. Я думал, что должен заслужить твое прощение, а что касается моего собственного, то к самому себе я не могу быть слишком снисходительным. Это мне не к лицу. Что же мне делать? Придумай что-нибудь своей умной головкой.

Священник продолжал неподвижно стоять на коленях, несмотря на мольбу Жанны. Она уже чуть было не расплакалась снова, как вдруг ей пришла в голову спасительная мысль, – она схватила совок, обильно осыпала собственную голову пеплом и, задышавшись и кашляя, проговорила:

– Вот и все. Ну, встаньте же, святой отец! Старик, растроганный и довольный, обнял, ее крепче.

– О, несравненное дитя! – сказал он. – Это приятное мученичество, а не такое, каким его рисуют на картинах. В нем есть много прекрасного и возвышенного. Я утверждаю это.

Затем он смахнул пепел с ее волос, помог ей вытереть лицо, шею и привести себя в порядок. Он был опять в хорошем настроении, готовый продолжать беседу. Он уселся в кресло, снова привлек к себе Жанну и сказал:

– Жанна, ты тоже имела обыкновение плести венки под Волшебным деревом с другими детьми. Не так ли?

Это была его обычная манера. Когда отец Фронт собирался поставить меня в тупик или поймать на чем-нибудь, он всегда начинал разговор таким мягким, как будто безразличным тоном, обезоруживающим человека и незаметно толкающим его в хитро расставленную ловушку, и человек идет, сам не зная, пока не попадетсЯ. Это забавляло старика. Я знал, что он собирается теперь сделать то же самое с Жанной.

– Да, святой отец, – ответила она на его вопрос.

– И ты вешала их на Дерево?

– Нет, святой отец.

– Почему же?

– Так, не хотела.

– Неужели не хотела?

– Да, святой отец.

– Что же ты делала с ними? – Я вешала их в церкви.

– Почему же ты не хотела вешать их на Дерево? – Потому что говорили, будто феи сродни нечистой силе и оказывать им почести грешно.

– И ты верила в то, что оказывать им почести грешно?

– Да. Я думала, что это грешно.

– Значит, если оказывать им почести грешно и если они сродни нечистой силе, то они могли быть опасны для тебя и для других детей. Не так ли?

– Думаю, что так. Да, именно так.

Он минуту размышлял. А я ждал, что ловушка вот-вот захлопнется, и не ошибся.

– Значит, дело обстоит так, – продолжал он, – феи были существами проклятыми, нечестивыми и опасными для детей. Так дай же мне убедительное доказательство, милая, – если ты сможешь найти такое, – почему было несправедливо подвергать их изгнанию и почему тебе так хочется спасти их? Словом, какую ты видишь в этом потерю?

Как глупо было с его стороны говорить такие вещи и вредить самому себе! Будь он мальчиком, я с досады надрал бы ему уши. До этого все шло хорошо, но он придал разговору неумный, роковой оборот и этим испортил все дело. Какой вред это могло причинить? Как будто он не знал особенностей характера Жанны д'Арк. Как будто он не знал, что она меньше всего думала о личной выгоде. И как он не мог понять такую простую вещь, что Жанна страдает и раздражается больше всего именно тогда, когда видит, что кто-либо другой должен пострадать? Получилось так, что он сам попался в расставленную им ловушку.

Не успел он закончить, как Жанна вспыхнула негодованием и, залившись слезами, разразилась страстной речью, которая удивила старика, но не удивила меня, так как я понимал, что своим неудачно выбранным доводом он взорвал бомбу.

– Ах, святой отец, как вы можете так говорить? Скажите, кому принадлежит Франция?

– Богу и королю.

– А не сатане?

– Что ты, дитя мое! Франция подвластна только всевышнему, и сатана не владеет даже пядью ее земли.

– В таком случае, кто же дал приют этим бедным созданиям? Бог. Кто покровительствовал им столько веков? Кто позволял им плясать и играть сотни лет, не находя в этом ничего плохого? Бог. А кто пошел вразрез с волей божьей, изгоняя их? Человек. Кто нарушил их безвредные занятия, дозволенные самим богом, и изгнал этих бедных крошек из жилища, которое дал им сам бог в своем милосердии и сострадании, посылая им дождь, росу и солнечный свет на протяжении пяти столетий? Это было их жилище, их собственный дом, данный им божьей милостью, и никто в мире не имел права отнять его у них. Они были самыми дорогими, самыми верными друзьями детей, оказывали им приятные, дружеские услуги за все эти пять долгих столетий и никогда не – причиняли им ни малейшего зла. В свою очередь, и дети любили их, а теперь горюют о них, и горе их безутешно. А что сделали дети, чтобы навлечь на себя такой жестокий удар? Вы говорите, бедные феи могли быть опасными для детей? Да, но они никогда такими не были, а что они могли быть опасными – это совсем не доказательство. Сродни нечистой силе? И что с того? Ведь и феи имеют свои права, а у детей тоже были свои права, и если бы не моя болезнь, то я бы заступилась за фей и за детей, остановила бы вашу руку и спасла их. А теперь... О, теперь все погибло! Все погибло, и ничему нельзя помочь!

Жанна выразила свое негодование по поводу того, что феям, как существам, близким к нечистой силе, закрыт путь к спасению и что их следует презирать и ненавидеть. А ведь казалось бы, люди должны жалеть фей и делать все возможное, чтобы заставить их забыть горькую участь, уготованную им случайностью рождения, а не личной виной.

– Бедные крошки! – говорила она. – Если сердце человека способно жалеть христианское дитя, то почему бы ему не пожалеть и вас, детей дьявола, в тысячу раз более нуждающихся в этом?

Она отвернулась от священника Фронта и заплакала, зажав кулачками глаза и топая в гневные ноги. Затем она выбежала из дома и исчезла, прежде чем мы могли опомниться в этом потоке слов и водовороте страсти.

Отец Фронт, озадаченный и смущенный, наконец поднялся и долго стоял, потирая ладонью лоб; потом он повернулся и медленно побрел в свою маленькую рабочую комнату. Я слышал, как на ходу он смущенно бормотал:

– Ах, боже мой! Бедные деточки, бедные волшебницы! У всех нас есть свои права. Об этом я и не подумал. Прости меня, господи, согрешил я, несчастный!

Услыхав это, я еще раз убедился в правильности своей прежней догадки: он действительно сам попался в расставленную им ловушку. Да, именно так, вы видите это. Лично мне это придало столько смелости, что я даже возмечтал уличить его в чем-нибудь. Но, поразмыслив, я решил лучше не пробовать – не моего ума это дело.

Глава IV

Говоря обо всем этом, я вспоминаю множество случаев и происшествий, о которых тоже мог бы рассказать, но сейчас лучше умолчу. Мне гораздо приятнее рассказать нам о нашей мирной жизни в родном селе в то доброе старое время, особенно зимой. Летом мы, дети, с утра до вечера пасли стада на холмах, и нам мало оставалось времени для игр и проказ. Зато зимой наступало самое веселое, самое шумное время. Мы часто собирались в старом просторном доме Жака д'Арк, с земляным полом, перед пылающим очагом, и тут мы играли в разные игры, пели песни, загадывали о будущем и до полуночи слушали сказки, случаи из жизни и незатейливые выдумки стариков.

Однажды, зимним вечером – это было как раз в ту зиму, которую потом долго называли лютой, – мы собрались как обычно. В тот вечер погода была особенно ненастной: на дворе бушевала вьюга и уныло завывал ветер. Но мне было приятно слушать завывание ветра, сидя в уютной, теплой горнице. Нам всем было приятно. Перед нами пылал огонь, и в него с веселым шипеньем падали через трубу комочки снега и капли воды. В горнице царило радостное возбуждение; мы пели, болтали и смеялись до десяти часов, потом нам подали ужин: горячую овсяную кашу, бобы и лепешки с маслом. Мы набросились на еду с волчьим аппетитом.

Маленькая Жанна сидела на ящике в сторонке, перед нею миска и хлеб на другом ящике, а вокруг нее в ожидании пищи вертелись ее любимцы. У нее было их много: сюда приходили бродячие кошки; разные бездомные и никому не нужные животные, будто прослышав о ее доброте, спешили к ней; ее не боялись птицы и всякие пугливые лесные жильцы – они чувствовали в ней своего друга и шли к ней. Ее удивительные знакомства заканчивались приглашением в дом, напоминавший собой зверинец. Жанна относилась к ним с большой нежностью, у нее всякое животное заслуживало любви и было дорого ей независимо от породы и внешности. Она не признавала ни клеток, ни ошейников, ни привязей, и звери могли свободно приходить и уходить, когда им вздумается. Это им очень нравилось, и они приходили. Но они не хотели уходить и своим

присутствием нарушали спокойствие в доме, и Жак д'Арк часто проклинал их. Зато жена его говорила, что сострадание дано ребенку от бога, а бог знает, что делает, и поэтому не следует чинить препятствий, так как неблагоразумно вмешиваться в дела господни, не имея соизволения всевышнего. Животных не трогали. И теперь они окружили Жанну. Тут были и кролики, и птицы, и белки, и кошки, и разная мелкая тварь; они с интересом следили, как ужинала Жанна, и с усердием подбирали то, что им перепало. На плече у Жанны на задних лапках сидела маленькая белочка, вертела в передних лапках кусочек черствой каштановой лепешки, нащупывая в нем зубами менее твердые места, и от удовольствия, в знак благодарности, кокетливо играла пушистым хвостом; она вгрызалась в корку двумя рядами белых резцов, которые и даны ей для этого, а совсем не для украшения, ибо красоты в них мало, в чем каждый, кто видел белку, может легко убедиться.

Все шло отлично, дружно и весело, как вдруг чей-то неожиданный стук в дверь привел всех в замешательство. Это был один из тех странников и нищих, которых постоянные войны лишили крова, заставив блуждать во большими дорогам страны. Он вошел, запорошенный снегом, потоптался у порога, отряхнулся, закрыл дверь, снял с головы свою изодранную шапку, раза два хлоп-пул ею по колену, смахивая снег, и обвел глазами всех присутствовавших с довольным выражением на исхудалом лице. Он бросил голодный взгляд на нашу снедь, затем смиренно и заискивающе поздоровался с нами и сказал, что не знает большего счастья, как сидеть у очага в такую ненастную погоду, иметь над головой кров, наслаждаться вкусной пищей и беседовать с хорошими друзьями, – да, это истинная благодать! И да поможет бог бездомным бродягам, вынужденным скитаться по дорогам в такое ненастье!

Никто не сказал ни слова. Несчастный нищий смущенно стоял, присматриваясь к собравшимся и не находя ни в ком приветя; выражение его лица мало-помалу менялось, улыбка исчезла. Наконец, он опустил глаза, щеки его стали вздрагивать, и он поднес руку к лицу, чтобы скрыть наворачнувшиеся слезы.

– Садись, дочь! – сказал громовым голосом старик Жак д'Арк, обращаясь к Жанне. Незнакомец вздрогнул и отнял руку от глаз. Перед ним стояла Жанна с протянутой миской каши. Человек сказал:

– Будь ты благословенна вовеки, милая крошка! – Слезы хлынули у него из глаз и потекли по щекам, но он не решался взять миску.

– Ты слышишь? Сядь на свое место, говорят тебе!

Не было, кажется, на свете ребенка, которого так легко можно было бы убедить, как Жанну, но не таким способом. Отец никогда не умел с ней ладить. Жанна сказала:

– Отец, я же вижу, он голоден.

– Пусть работает, чтобы прокормить себя! Такие, как он, могут разорить нас и выгнать из нашего собственного дома. Я говорю, что не потерплю этого, и сдержу свое слово! У него даже на лице написано, что он – негодяй и плут. Садись, тебе говорят!

– Я не знаю, негодяй он или нет, но он голоден и пусть возьмет мою кашу – мне есть не хочется.

– Ты что, не слушаешься? Вот я тебе... Негодяи не имеют право объедать честных людей, и ничего они не получают в этом доме... Жанна!

Она поставила свою миску обратно на ящик, подошла к разгневанному отцу и сказала:

– Отец, если ты не позволишь мне, то, конечно, будет по-твоему. Но мне хотелось бы, чтобы ты хорошенько подумал. Тогда ты увидел бы сам, что несправедливо наказывать одну часть этого человека за то, в чем виновата другая часть его. Ведь у этого несчастного согрешила голова, а не желудок, но голод чувствует не голова, а желудок, никому не делающий вреда, ни в чем неповинный и неспособный совершить даже малейшее зло. Так позволь же...

– Что за выдумки! Больше глупости я никогда не слыхал.

Но в разговор вмешался Обре, наш мэр. У него всегда были в запасе веские доводы, – это признавали все. Поднявшись из-за стола и, подобно оратору, обводя присутствующих величественным взглядом, он начал свою умную, убедительную речь:

– Я не соглашусь здесь с тобой, Жак, и докажу честной компании, – при этом он посмотрел на нас и поощрительно кивнул головой, – что в словах девочки есть доля здравого смысла. Ведь и тебе должно быть понятно, и это вне всякого сомнения, что у человека голова управляет и руководит всем телом. Правильно? Разве кто-либо не согласен с этим? – Он опять посмотрел на всех, но никто не пытался ему возражать. – А если так, то ни одна из остальных частей тела не отвечает за приказания, которые дает голова. Следовательно, только голова ответственна за преступления, совершенные руками, ногами или желудком человека. Вы понимаете мою мысль? Разве я не прав?

Все согласились с восторгом, а некоторые заметили, что мэр сегодня в ударе и говорит великолепно. Это замечание весьма понравилось мэру, глаза его засверкали от удовольствия, и он продолжал с прежним блеском и убедительностью:

– Теперь посмотрим, что означает термин – ответственность и в какой степени он применим к данному случаю. Ответственность делает человека виновным лишь в тех вещах, за которые он должен отвечать. – Здесь мэр сделал широкий жест ложкой, как будто для того, чтобы наглядно очертить границы этой ответственности, и многие воскликнули одобрительно: «Он прав! Он внес ясность в эту путаницу. Молодец!» После небольшой паузы, чтобы еще больше заинтересовать присутствующих, мэр продолжал:

– Прекрасно! Предположим, кочерга падает человеку на ногу, причиняя жестокую боль. Неужели вы будете утверждать, что кочерга заслуживает наказания? На этот вопрос может быть только отрицательный ответ, и по вашим лицам я угадываю, что другой ответ вы бы посчитали нелепостью. А почему? Да потому, что кочерга лишена мыслительной способности, то есть у нее нет способности самоконтроля. Следовательно, она не несет ответственности за то, что с нею происходит, а раз нет ответственности, то не может быть и речи о наказании. Не так ли? – В ответ раздался взрыв горячих аплодисментов. – Вот мы и подошли к вопросу о человеческом желудке. Заметьте, как схоже, как одинаково его положение с положением кочерги. Прошу вас внимательно выслушать меня и сделать соответствующие выводы. Может ли человеческий желудок замышлять убийство? Нет. Может ли он замышлять кражу? Нет. Может ли он замышлять поджог? Нет. Теперь ответьте мне на вопрос: а кочерга способна на это? – Раздались восторженные возгласы: «Нет!», «Случаи

совершенно одинаковы!», «Он рассуждает правильно!» – Итак, друзья и соседи, если желудок не способен замышлять преступление, то он не может и принимать в нем участия. По-моему, это должно быть для всех ясно. Но можно еще более уточнить вопрос. Послушайте: может ли желудок участвовать в преступлении по собственному желанию? Отвечаю: нет, так как в нем отсутствует воля, рассудок – точно так же, как в случае с кочергой. Надеюсь, вы убедились теперь, что желудок совершенно неповинен в преступлениях, совершаемых его владельцем. – Снова грянули рукоплескания. – К какому же выводу, наконец, мы пришли? Для нас стало совершенно ясно следующее: виновных желудков на свете нет и быть не может, в самом закоренелом негодяе может находиться самый невинный желудок и, несмотря на поступки этого негодяя, желудок остается в наших глазах священным и непорочным. А так как господь дал нам ум для добрых и милосердных мыслей, то этим самым он наделил нас привилегией и обязанностью не только питать голодный желудок, находящийся внутри какого-нибудь негодяя, но и делать это с радостью, с благодарностью, признавая его чистоту и непорочность, сохраняемые им даже в мире соблазнов и в среде, противной его натуре. На этом я кончил.

Вы не можете себе представить, какой эффект произвела его речь! Все повскакивали, захлопали в ладоши, закричали, поздравляя мэра и превознося его до небес. А потом, один за одним, продолжая хлопать и кричать, все бросились вперед с блестящими от слез глазами, пожимали ему руки и наговорили ему столько похвал, что он был весь подавлен гордостью и счастьем и не мог вымолвить ни слова от умиления. Зрелищем этим нельзя было не восторгаться. Все говорили, что такой речи он никогда не произносил в жизни и вряд ли произнесет такую когда-нибудь еще. Да, красноречие – большая сила, ничего не скажешь. Даже старик Жак д'Арк впервые в жизни сдался и крикнул:

– Ну ладно, Жанна, отдай ему свою кашу!

Девочка была смущена и не знала, что сказать. Да и говорить-то было нечего – ведь она уже успела отдать бродяге кашу, которую он почти всю съел. А когда ее спросили, почему она не подождала решения старших, она ответила, что желудок у человека испытывал острый голод и что неразумно было ждать, тем более, что решение старших могло оказаться и не в его пользу. Вот почему она сочла необходимым поступить именно так. Для ребенка ее лет это было мудро, не так ли?

А пришелец совсем не оказался негодяем. Напротив, он был славным малым, но ему просто не повезло в жизни, – что было немудрено по тем временам во Франции. Теперь, когда было доказано, что желудок его не виновен, ему разрешили расположиться как дома, а раз желудок насытился и ни в чем больше не нуждался, человек дал волю своему языку и рассказал нам много интересного. Странник долгие годы провел в войнах; его рассказы пробудили у всех присутствующих патриотизм и заставили усиленно биться сердца. Затем, во мгновение ока, он повел нас триумфальным маршем сквозь былые славные подвиги Франции, и в нашем воображении восстали из тумана двенадцать паладинов {9} седой старины, идущих на смертный бой. Мы слышали топот неисчислимых войск, спешивших преградить им путь; мы видели прилив, отлив и исчезновение этого людского потока перед маленькой кучкой героев; перед нами мелькали все подробности самого поразительного, самого катастрофического и вместе с тем самого дорогого, самого славного дня из легендарной истории Франции; мы видели, как на обширном поле, усеянном убитыми и ранеными, неустрашимые паладины отважно сражались и один за другим падали в неравном бою; как остался только один, которому не было равного – рыцарь без страха и упрека, герой, давший свое имя песне песней, той песне, которую ни один француз не может слышать без чувства умиления и гордости за свою страну. Наконец, перед нами воскресла последняя, самая величественная и самая трогательная сцена – смерть героя. Тишина, воцарившаяся в комнате в то время, когда мы, затаив дыхание, слушали рассказы незнакомца, напоминала нам ту тишину, которая царила над полем битвы, когда отлетала душа последнего героя.

И вдруг, среди этой торжественной тишины, незнакомец погладил Жанну по голове и сказал:

– Да хранит тебя господь, милая девочка! Сегодня ты спасла меня от голодной смерти. Вот тебе за это награда – слушай! – И в эту напряженную минуту общего возбуждения раздался благородный, берущий за душу голос незнакомца – он запел дивную «Песнь о Роланде».

Подумайте, каково было ее слышать французам, и без того уже возбужденным и разгоряченным! Что перед ней словесное красноречие! Каким прекрасным, каким величественным, каким вдохновенным стоял странник перед нами, очаровывая нас могучим голосом, словно

преобразившийся в своих жалких лохмотьях!

Все встали и, затаив дыхание, с покрасневшими лицами и сверкающими глазами слушали его пение; все покачивались в такт песне, у всех по щекам текли слезы, грудь каждого содрогалась от глубоких вздохов, в тишине раздавались тихие стоны и одобрительные восклицания. Когда певец дошел до последнего стиха, в котором говорится о том, как умирающий Роланд лежал один среди груды трупов, обводя взглядом поле брани, и как он, сняв перчатку, простер ее к небу слабеющей рукою и бледными губами шептал свою страстную проникновенную молитву, – люди не выдержали и разразились рыданиями. Когда же замер последний звук песни, все как один, воодушевленные любовью к певцу,

– любовью к Франции и гордостью за ее великие дела и древнюю славу, – бросились к нему и стали сжимать его в объятиях. Жанна первая прижалась к его груди и в благоговейном восторге осыпала его горячими поцелуями.

На дворе продолжала бушевать вьюга, но – что за беда! Незнакомец нашел себе надежное убежище и мог оставаться в нем столько, сколько хотел.

Глава V

У всех детей бывают прозвища; были они и у нас. Нас наделяли ими сызмала, так они и оставались за нами. Но больше всего было кличек у Жанны. С течением времени мы по разным случаям присваивали ей разные клички, которых набралось у нее с полдюжины. Некоторые из них сохранились за ней навсегда. Крестьянские девушки от природы застенчивы и легко краснеют, но Жанна настолько превзошла в этом отношении остальных и так краснела в присутствии незнакомых, что мы прозвали ее «Алым цветочком». Все мы были патриотами, но ее одну прозвали «Патриоткой», так как наши самые пламенные чувства любви к родине были холодны по сравнению с ее чувствами. Ее звали также и «Прекрасной». Эту кличку она получила не только за необыкновенную красоту лица, но и за красоту души. Сохранилась за ней также и кличка – «Храбрая».

Мы воспитывались и росли в этой трудолюбивой, мирной среде и становились подростками настолько сознательными, что начинали разбираться не хуже старших в войнах [{10}](#), непрерывно свирепствовавших на западе и на севере страны. Вести с поля битвы нас волновали не меньше, чем взрослых. В моей памяти запечатлелся такой случай. Однажды во вторник мы играли и пели под Волшебным деревом, украшая его гирляндами в память об изгнанных друзьях наших – феях, как вдруг маленькая Манжетта закричала:

– Смотрите! Что это там?

В ее словах было столько удивления и испуга, что мы невольно насторожились. Запыхавшиеся, с покрасневшими лицами, мы сбились в кучу и устремили свои взоры в одну сторону – на обращенный к деревне склон холма.

– Какой-то черный флаг.

– Неужели? Не может быть!

– Конечно. Разве не видно?

– Да, это черный флаг. Видел ли его кто-нибудь раньше?

– Нет. А что он означает?

– Что-нибудь ужасное. Что же он может означать еще?

– Не в этом дело. Ясно, что он означает что-то плохое. Но что?

– Давайте подождем и спросим у того, кто его несет.

– Смотрите, человек с флагом бежит сюда! Кто бы это мог быть?

Мы стали гадать, но вскоре убедились, что это бежал Этьен Роз, прозванный «Подсолнухом» за рыжие волосы и круглое рябое лицо, – предки Этьена были немецкого происхождения. Он быстро взбирался на пригорок, размахивая время от времени траурным флагом, с которого мы не сводили глаз, о котором мы спорили, с замиранием сердца ожидая, какие вести несет с собой Этьен. Наконец, он подбежал к нам и воткнул древко флага в землю.

– Вот! – проговорил он. – Стой здесь, будь эмблемой Франции, пока я отдышусь. Теперь ей не нужен иной флаг.

Все сразу умолкли, словно он объявил о чьей-то смерти. В наступившей тишине не слышно было ни звука, только сдавленное дыхание запыхавшегося мальчика. Отдохнув немного, Этьен Роз снова обрел дар речи:

– Получены мрачные вести. В Труа заключен мирный договор между Францией с одной стороны, англичанами и бургундцами – с другой. По этому договору Франция предана, связана по рукам и ногам и отдана врагу. Это дело рук герцога Бургундского и этой ведьмы – королевы французской. Генрих Английский вступает в брак с принцессой Екатериной.

– А ты не врешь? Разве может быть брак между дочерью французского короля и убийцей при Азенкуре? Это невозможно! Ты, видно, ослышался.

– Если ты не хочешь верить этому, Жак д'Арк, ты не сможешь подготовить

себя к еще большим неприятностям – ведь худшее еще впереди. Ребенок, рожденный от этого брака, даже если это будет девочка, станет наследником обоих престолов – английского и французского, и оба государства будут во власти его потомства навеки.

– Вот это уж наверняка ложь! Такое положение противоречит нашему Салическому закону и не может иметь силы, – возразил Эдмон Обре, прозванный нами «Паладином» за воинственные склонности характера. Он говорил бы и дальше, но голос его был заглушен криками остальных: возмущенные тем, что сулит Франции этот договор, все сразу зашумели, не слушая друг друга, пока маленькая Ометта не урезонила разбушевавшихся ребят.

– Нехорошо прерывать его! – сказала она. – Дайте ему закончить. Вы не верите его рассказу потому, что он кажется вам выдумкой. Тогда, наоборот, вы должны были бы радоваться, а не возмущаться. Продолжай, Этьен!

– Остается сказать только одно: наш король, Карл VI, будет править нами в течение всей своей жизни, а после его смерти регентом Франции сделается Генрих V Английский, покуда не подрастет ребенок...

– И этот человек, этот мясник будет управлять нами? Все это ложь, явная ложь! – закричал Паладин. – Тогда что же станет с нашим дофином? Что о нем сказано в договоре?

– Ни слова. Он лишается престола и превращается в отверженного.

Снова поднялся шум. Все кричали, что это ложь, успокаивая и подбадривая себя словами: «Наш король мог подписать только хороший договор. Он не подписал бы договор, ограничивающий права его родного сына».

Вдруг раздался голос Подсолнуха:

– Скажите мне, согласилась бы королева подписать договор, по которому ее родной сын лишается престола?

– Эта ехидна? Конечно, согласилась бы. Нет такого вероломства, на которое она не пошла бы в своих коварных замыслах. Она ненавидит своего сына. К счастью, ее подпись не имеет значения. Подписать должен король.

– Скажите мне еще одну вещь. Как здоровье короли? Он сумасшедший, правда?

Да, но, тем не менее, народ любит его. Страдания сближают его с народом, а жалость к нему порождает любовь.

– Это верно, Жак д'Арк. Но чего можно ждать от этого безумца? Понимает ли он, что делает? Нет. Самостоятельно он действует или по наущению других? По наущению других. Вот теперь судите сами, почему он подписал договор.

– Кто же его заставил?

– Вы и без меня знаете, – королева. Ребята снова зашумели, осыпая проклятиями королеву. Наконец Жак д'Арк сказал:

– Бывает много ложных слухов. Но такого постыдного, как этот, более унижительного, более оскорбительного для Франции, видимо, не было никогда. Поэтому хотелось бы надеяться, что это только ложный слух. Откуда ты узнал об этом?

Вся краска сбежала с лица его сестры Жанны. Она боялась ответа, и предчувствие не обмануло ее.

– Эту новость привез священник из Максе. Все ахнули. Мы знали его как человека надежного, внушающего доверие.

– А сам он верит этому?

Затаив дыхание, все ожидали ответа. И ответ последовал:

– Конечно, верит. И не только верит. Он ручался, что все сказанное – правда.

Некоторые девочки заплакали; мальчики онемели от горя. На лице Жанны было выражение безмолвного страдания, как у животного, пораженного насмерть. Животное молча переносит удар. Точно также переносила его и Жанна; она не промолвила ни слова. Ее брат Жак положил ей руку на голову и нежно гладил по волосам в знак сочувствия. Она поднесла его руку к губам и, не говоря ни слова, с благодарностью поцеловала. Но вот

наступил перелом – мальчики начали говорить. Первым заговорил Ноэль Ренгессон:

– Ах, когда же, наконец, мы станем взрослыми? Мы растем так медленно, а Франция никогда еще так не нуждалась в солдатах, чтобы смыть с себя это позорное пятно.

– Как противно быть ребенком! – заметил Пьер Морель, прозванный «Кузнечиком» за выпуклые глаза. – Приходится ждать, ждать и ждать без конца. Бесконечные войны опустошают все вокруг, а ты жди своей очереди. Ах, если бы я мог стать солдатом сейчас же!

– Что касается меня, то я не намерен долго ждать, – сказал Паладин, – и уж когда я пойду на войну, вы услышите обо мне. Клянусь! Штурмую крепость, некоторые предпочитают быть в тылу. Но это не в моем характере. Я буду сражаться всегда в первых рядах и никого не пущу вперед, разве только офицеров.

Даже девочек охватил воинственный дух, а поэтому одна из них, Мари Дюпон, сразу же заявила:

– Жаль, что я не мужнина! Я бы сию минуту отправилась на фронт. – Сказав это, она приняла гордый вид, ожидая похвал.

– И я тоже! – поддержала ее Сесиль Летелье, раздувая ноздри, как боевой конь, почуявший битву. – Уверяю вас, что я бы никогда не струсила, даже если бы против меня выступила вся Англия.

– Вздор! – не выдержал Паладин. – Девчонки только и умеют хвастать, в этом их призвание. А попробуйте поставить тысячу их против горсти солдат, и вы увидите, что такое паника и бегство. Чего доброго, и маленькая Жанна начнет сейчас говорить, что станет солдатом.

Шутка показалась такою забавной, что вызвала всеобщий хохот. И Паладин, решив ею воспользоваться, продолжал:

– Да. Представьте себе нашу Жанну врезающейся в колонны врага, как старый ветеран! Здорово, правда? И не в чине какого-то простого, жалкого солдатишки, как все мы, а в чине офицера! Понимаете, – офицера, закованного в броню, в железных латах и в стальном шлеме с забралом, под

которым можно скрыть растерянность и краску стыда на лице в случае, если придется отступить перед превосходящими силами противника. Офицер? А что же! Она будет у нас капитаном! Слышите, – будет командиром, станет во главе целого отряда, может быть, тоже из девчонок. Ей только и быть командиром. И – боже мой! – как налетит она, как начнет рубить направо и налево – словно ураган пройдет по полю битвы.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)